

Древнетюркские памятники рунического письма из Восточного Туркестана

С.Г. Кляшторный

В 1896 г. Русское Географическое общество передало Азиатскому музею (ИВР РАН) мешок с обрывками древних рукописей, собранных в Турфанском оазисе экспедицией В.И. Роборовского и П.К. Козлова 1893—1895 гг.¹ Рукописные обрывки из пещерного буддийского монастыря близ Туяк-мазара и развалин Идикут-шари были первоначально разобраны А.О. Ивановским и С.Ф. Ольденбургом, а затем в декабре 1897 г. просмотрены В.В. Радловым, который выделил из коллекции четыре древнеуйгурских фрагмента². Отмечая, что фрагменты слишком малы для идентификации, В.В. Радлов все же указал на наличие двух разных групп текстов — деловых записей, выполненных трудночитаемым курсивом, и буддийских сутр в каллиграфическом исполнении.

Открытие рукописей побудило В.В. Радлова совместно с В.Р. Розеном и К.Г. Залеманом ходатайствовать перед Академией наук об отправке в Турфанский оазис экспедиции «для исследования главным образом Туяк-мазара и Идикут-шари, а по возможности и древностей других мест Турфанского края»³. Главным объектом исследований должен был, по мнению В.В. Радлова, стать Идикут-шари, «столица уйгурско-буддийской культуры», где следовало искать «древнейшие тюркские языковые памятники»⁴.

В первой половине мая 1898 г. экспедиция Д.А. Клеменца отбыла из Санкт-Петербурга, а в начале сентября прибыла в Турфан⁵. Д.А. Клеменц не случайно был выбран для выполнения сложной задачи первоначального археологического изучения обширного необследованного района, богатого памятниками древности. В начале 1880-х гг., будучи в ссылке в Минусинске, Д.А. Клеменц составил описание богатейших археологических коллекций Минусинского

Old Turkic Monuments of Runic Writing from Eastern Turkestan

S.G. Klyashtorny

In 1896 the Russian Geographic Society handed over to the Asiatic Museum (IOM RAS) a sack of shreds of ancient manuscripts collected in Turfan oasis by the 1893–95 expedition of V.I. Roborovsky and P.K. Kozlov.¹ The manuscript fragments from a Buddhist cave monastery near Toyuq-Mazar and from the ruins of Idikutshari were initially sorted out by A.O. Ivanovsky and S.F. Oldenburg; afterwards, in December 1897, they were examined by V.V. Radloff, who picked out four Old Uighur fragments from the collection.² Pointing out that the fragments were too small to identify, V.V. Radloff nevertheless was able to classify them into two categories: documents in scarcely legible cursive writing and Buddhist sutras in calligraphic writing.

The manuscript find compelled V.V. Radloff, to ask, jointly with V.R. Rozen and C.G. Salemann, the Academy of Sciences to send an expedition to Turfan oasis “chiefly to investigate Toyuq-Mazar and Idikutshari, as well as, if possible, other ancient sites in the region of Turfan”.³ In V.V. Radloff’s opinion, the principal target of the exploration was to be Idikutshari, “the capital of Uighur Buddhist culture”, where the expedition should search for “the most ancient Turkic linguistic monuments.”⁴

In the first half of May 1898, D.A. Klementz’s left St. Petersburg, arriving in Turfan in early September.⁵ D.A. Klementz was chosen to perform the primary archaeological survey of a large unstudied area rich in ancient monuments for a good reason. In the early 1880s, while in exile in Minusinsk, D.A. Klementz made a description of the very rich archaeological collections of the Minusinsk Museum. In 1891 he took an active part in the Orkhon expedition of V.V. Radloff, which studied the Old Turkic runic monuments of Northern Mongolia.

¹ Роборовский В.И. Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию в 1893—1895 гг. // ИРГО. Т. 34, 1898. С. 12.

² Radloff W. Altuigurische Sprachproben aus Turfan // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Hf. 1. SPb., 1899. S. 55–56.

³ Ольденбург С.Ф. Экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 г. // Известия Восточно-Сибирского отделения РГО. Т. 45. Иркутск, 1917. С. 219—220.

⁴ Radloff W. *Op. cit.* S. 56.

⁵ Ольденбург С.Ф. *Указ. соч.* С. 220—223.

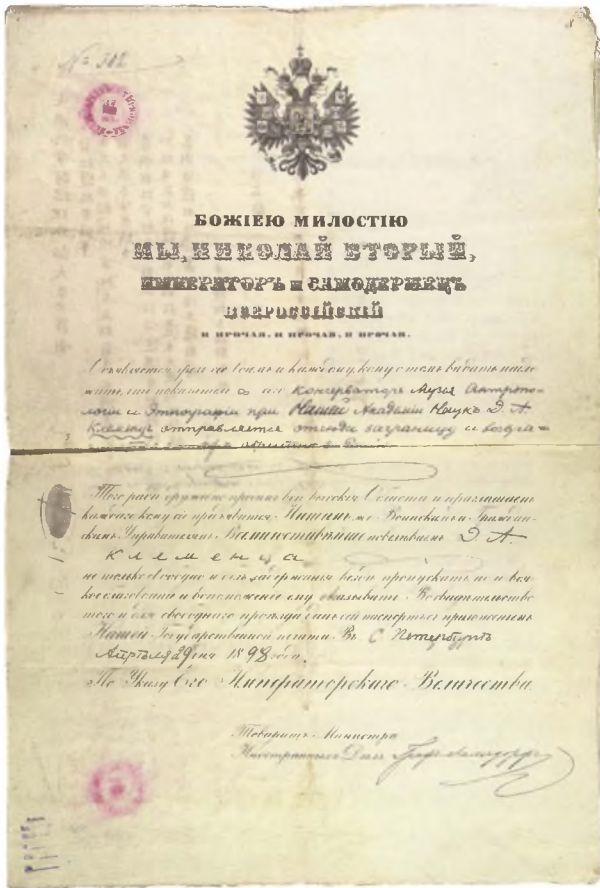
¹ Roborovsky, V.I. “Preliminary Report about the 1893–95 Expedition to Central Asia.” *TRGS*. Vol. 34, 1898, p. 12.

² Radloff, W. “Altuigurische Sprachproben aus Turfan”. *Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan*. Hf. 1. SPb., 1899. S. 55–56.

³ Oldenburg, S.F. “D.A. Klementz’s Expedition to Turfan in 1898.” *Proceedings of the East Siberian Branch of the RGS*. Vol. 45. Irkutsk, 1917, pp. 219–220.

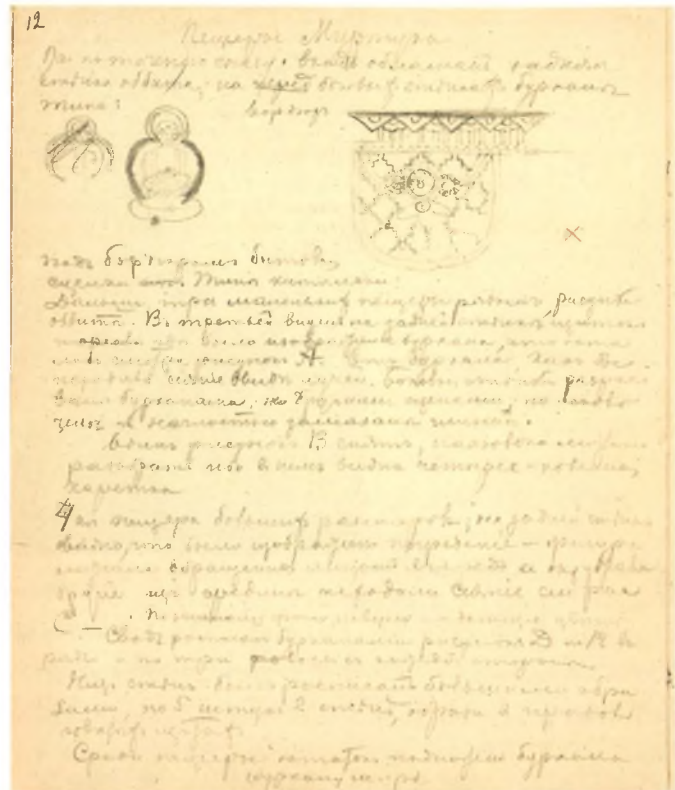
⁴ Radloff, W. *Op. cit.* S. 56.

⁵ Oldenburg, S.F. *Op. cit.*, pp. 220–223.

Открытый лист Д.А. Клеменца. 29 апреля 1898 г.
43,5×57 см
ИВР РАН, Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 227

Self-conduct Pass of D.A. Klementz. 29 April, 1898
43,5×57 см
IOM RAS, Fond 28. Inv. 1, unit. 227

Страница из полевого дневника Д.А. Клеменца за 1898 г.
17×11 см
ИВР РАН, Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 91

A page from D.A. Klementz's journal for 1898
17×11 см
IOM RAS, Fond 28. Inv. 1, unit. 91

Карты, составленные
Д.А. Клеменцем
во время его экспедиций:

- 12) 17,3×17 см;
  - 29) 19×17 см;
  - 35) 16,7×18 см;
  - 14) 17×18,3 см
- ИВР РАН, Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 108

Maps drawn by D.A. Klementz
during his expeditions:

- 12) 17,3×17 см;
  - 29) 19×17 см;
  - 35) 16,7×18 см;
  - 14) 17×18,3 см
- IOM RAS, Fond 28. Inv. 1, unit. 108

Д.А. Клеменц и Н.С. Гуляев. 1913
D.A. Klementz and N.S. Gulyaev. 1913

музея. В 1891 г. он принял деятельное участие в Орхонской экспедиции В.В. Радлова, исследовавшей древнетюркские рунические памятники Северной Монголии. В 1894—1896 гг. Д.А. Клеменц вместе с Е.Н. Клеменц осуществил ряд самостоятельных экспедиций в Монголии, неизменно плодотворных и богатых открытиями⁶.

В Турфанском оазисе Д.А. Клеменц стал первооткрывателем древностей севера Восточного Туркестана⁷. Однако следующая русская экспедиция состоялась лишь спустя 10 лет. «Русским ученым, — писал С.Ф. Ольденбург, — и на этот раз, как бывало и бывает нередко, пришлось отойти на время от начатого ими вполне успешно дела, которое перешло в руки иностранных, в первую голову немецких ученых, получивших в своей стране средства на экспедицию. Только много лет спустя, при условиях гораздо менее благоприятных, русским ученым удалось продолжить дело Д.А. [Клеменца]»⁸.

Одним из важнейших результатов экспедиции Д.А. Клеменца стало открытие эпиграфических и рукописных текстов. В.В. Радлов выделил пять категорий письменных памятников, обнаруженных экспедицией: а) древнетюркские рунические надписи, процарапанные в пещерных буд-

In 1894—96 D.A. Klementz, jointly with E.N. Klementz, carried out a number of independent expeditions in Mongolia, which were invariably fruitful and abounded in discoveries.⁶

In Turfan oasis, D.A. Klementz was a pioneer in the exploration of the archaeological sites of Eastern Turkestan.⁷ It was not until ten years later, however, that the next Russian expedition materialized. “The Russian researchers again, as had often happened before, had to interrupt the work they had so successfully started, therefore the exploration was taken over by foreign researchers, mostly German ones, who had obtained means for the venture in their country. It was only many years later, under far less favourable conditions, that the Russian explorers were able to continue the work of D.A. [Klementz].”⁸

One of the most important results of D.A. Klementz’s expedition was the discovery of epigraphic and manuscript texts. V.V. Radloff classified the written monuments found by the expedition into the following five categories: a) Old Turkic runic inscriptions scratched in Buddhist cave temples; b) Old Uighur inscriptions in black and red paint on slabs of plaster from palace or temple buildings; c) fragments of Old Uighur Buddhist manuscripts; d) fragments of Buddhist block-prints and e) Old Uighur economic documents. On the basis of the

⁶ О Д.А. Клеменце см.: Попов И.И. Д.А. Клеменц, его жизнь и деятельность // Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925. С. 7—63.

⁷ Klementz D. “Turfan und seine Alterhümer”. Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Hf. 1. SPb., 1899. S. 1—53.

⁸ Ольденбург С.Ф. Указ. соч. С. 231.

⁶ For information on D.A. Klementz, see: Popov, I.I. “D.A. Klementz, His Life and Activities.” Klementz, D.A. *From the Past. Reminiscences*. L., 1925, pp. 7—63.

⁷ Klementz, D. “Turfan und seine Alterhümer.” *Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan*. Hf. 1. SPb., 1899. S. 1—53.

⁸ Oldenburg, S.F. *Op. cit.*, p. 231.

дийских храмах; б) древнейгурские надписи черной и красной краской на кусках штукатурки из дворцовых или храмовых построек; в) фрагменты древнейгурских буддийских рукописей; г) фрагменты буддийских ксилографов; д) древнейгурские хозяйственные документы. По результатам экспедиции В.В. Радлов осуществил первую публикацию древнетюркских письменных памятников из Восточного Туркестана: четырех рунических граффити, двух юридических (хозяйственных) документов и двух небольших фрагментов буддийских сутр⁹.

Находками В.И. Роборовского, П.К. Козлова и Д.А. Клеменца было положено начало древнейгурской коллекции Азиатского музея. Вплоть до 1915 г. эта коллекция непрерывно пополнялась двояким образом: в результате экспедиционных исследований и в результате передачи в Азиатский музей коллекций, собранных русскими должностными лицами в Восточном Туркестане. К настоящему времени здесь хранится 4228 древнейгурских рукописей и фрагментов. Наиболее крупные сборы древнейгурских памятников были переданы русскими дипломатами. В 1907—1909 гг. был принят фонд Н.Н. Кроткова, состоящий из 4070 единиц хранения. Сменивший в 1912 г. Н.Н. Кроткова на должности консула А.А. Дьяков передал 28 рукописей и фрагментов, собранных в Астане (Турфанский оазис). 11 уйгурских рукописей поступили в 1907 г. от врача консульства в Урумчи А.И. Кохановского. Экспедиционные фонды представлены также коллекциями С.Ф. Ольденбурга (1909—1910, 1914—1915) и С.Е. Малова (1909—1911, 1913—1914). Один уйгурский фрагмент из Хара-Хото поступил от П.К. Козлова. Основную часть коллекции составляют рукописи и фрагменты буддийских сочинений, в том числе полные тексты сутр «Алтун ярук», «Дишаствустик», «Куан-ши-им Пусар». Крайне бедно представлены манихейские тексты. Тем не менее Санкт-Петербургский список покаянной молитвы манихеев «Хуастуанифт» — один из самых полных в мире (известны еще два списка — лондонский и берлинский)¹⁰.

С.Е. Малов
 S.E. Malov

expedition results, V.V. Radloff made the first publication of Old Turkic written documents from Eastern Turkestan: four runic graffiti, two legal (economic) documents and two small fragments of Buddhist sutras.⁹

The finds of V.I. Roborovsky, P.K. Kozlov and D.A. Klementz laid the foundation of the Asiatic Museum's Old Uighur collection. Up to 1915 additions to the collection were made in two ways — through expedition finds and through donations to the Asiatic Museum of collections accumulated by Russian officials in Eastern Turkestan. At present, the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS possesses 4,228 Old Uighur manuscripts and fragments. The largest collections of Old Uighur monuments were given to the Asiatic Museum by Russian diplomats. In 1907—09 the Museum received N.N. Krotkov's collection consisting of 4,070 items. A.A. D'yakov, who succeeded N.N. Krotkov as Consul in 1912, gave to the Asiatic Museum 28 manuscripts and fragments collected in Astana (Turfan Oasis). In 1907 A.I. Kokhanovsky, the medical officer of the Russian consulate in Urumqi, handed 11 Uighur manuscripts to the Asiatic Museum. The expeditions' funds are represented by the collections of S.F. Oldenburg (1909—10, 1914—15) and S.E. Malov (1909—11, 1913—14). One Uighur fragment from Khara-Khoto came from P.K. Kozlov. The main part of the collection comprises manuscripts and fragments of Buddhist writings, including complete texts of the sutras *Altun Yaruq*, *Dišastvustik* and *Kuan-ši-im Pusar*. Manichaean texts are very poorly represented. At the same time, the St. Petersburg copy of the Manichaeans' confession prayer *Xwāstwānift* is one of the fullest in the world (two more copies are known — one in London, the other in Berlin).¹⁰ Twenty-two legal and economic documents from Turfan¹¹ make an important part of the collection.

D.A. Klementz is also credited with discovering the first Turkic runes in Eastern Turkestan — in the form of graffiti on the walls of Buddhist cave monasteries. Monuments of Turkic

D.A. Klementz is also credited with discovering the first Turkic runes in Eastern Turkestan — in the form of graffiti on the walls of Buddhist cave monasteries. Monuments of Turkic

⁹ Radloff W. *Op. cit.* S. 57—85.

¹⁰ О Санкт-Петербургском древнейгурском фонде и его изучении см.: Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка. Пг., 1920. С. 34—37 (раздел написан А.Н. Самойловичем); Дмитриева Л.В. Древнейгурские материалы (уйгурским письмом) в Институте востоковедения АН СССР // Страны и народы Востока. Вып. 8, 1969. С. 222—228; Кляшторный С.Г. Об изучении древнейгурских памятников в СССР // Исследования по уйгурскому языку. Вып. 2. Алма-Ата, 1970. С. 54—56; Насилов Д.М. Изучение памятников древнейгурского языка в отечественном востоковедении // Тюркологический сборник. 1970. М., 1970. С. 93—110.

⁹ Radloff, W. *Op. cit.*, pp. 57—85.

¹⁰ For the Old Uighur collection in St. Petersburg and its study, see: *Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences. 1818—1918*. Brief commemorative booklet. Petrograd, 1920, pp. 34—37 (section written by A.N. Samoilovich); Dmitriyeva, L.V. "Old Uighur Materials (in Uighur script) in the Institute of Oriental Studies, USSR AS." *Countries and Peoples of the East*. Issue 8 (1969), pp. 222—228; Klyashtorny, S.G. "On the Study of Old Uighur Monuments in the USSR." *Uighur Language Studies*. Issue 2. Alma-Ata, 1970, pp. 54—56; Nasilov, D.M. "Research of Old Uighur Linguistic Monuments in Russian Oriental Studies." *Turkologicheskyy Sbornik*. M., 1970, pp. 93—110.

¹¹ According to R. Arat's count, about 400 Old Uighur legal and economic documents are kept in different collections in the world [Arat, R.R. "Eski

Важную часть собрания составляют двадцать два юридических и хозяйственных документа из Турфана¹¹.

Д.А. Клементцу также принадлежит заслуга открытия первых тюркских рун в Восточном Туркестане — граффити на стенах буддийских пещерных монастырей. Памятники тюркского рунического письма распространены от Восточной Монголии до долины Дуная. Они имеют пяти-шести-вековой хронологический диапазон и разную этнополитическую принадлежность. Даже сами значения рунических знаков не адекватны в европейском и центральноазиатском ареалах их распространения. Объем и сюжетно-жанровая специфика текстов таковы, что очевидное историографическое значение имеют только северо-монгольская (орхонская) и хакасско-тувинская (енисейская) группы текстов, созданные в Тюркском каганате, Уйгурском каганате и государстве енисейских кыргызов¹².

Первые памятники рунического письма были открыты в Сибири экспедицией Д.Г. Мессершмидта и Ф.-И. Страленберга 1721—1722 гг. Но лишь после обнаружения Н.М. Ядринцевым (1889) в Северной Монголии надписей в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (30-е гг. VIII в.) стала возможной дешифровка этой загадочной письменности. В течение последующих десятилетий число открытых рунических памятников значительно возросло, что позволило тюркской рунологии выделиться в отдельную отрасль древнетюркской филологии¹³.

Памятники из Восточного Туркестана, среди которых нет документов историографического характера, имеют, тем не менее, первостепенное значение для изучения культуры, в особенности идеологии, древнетюркских племен и народностей.

runic writing are found over vast territories — from Eastern Mongolia to the Danube valley. They have a chronological range of 5 to 6 centuries and vary greatly in their ethno-political quality. Even the meanings of the runic signs in Europe and Central Asia differ. The volume and subject-matter, as well as the genre peculiarities of the texts suppose that only the North Mongolian (Orkhon) and Khakass-Tuva (Yenisei) groups of texts created in the Turk Qaghanate, Uighur Qaghanate and in the state of the Yenisei Kyrgyzes are of undoubted historiographic value.¹²

The first monuments of runic writing were discovered in Siberia by the expedition of D.G. Messerschmidt and F.-J. Strahlenberg in 1721—22. But it was only after the discovery in Northern Mongolia by N.M. Yadrintsev (1889) of inscriptions devoted to Bilge Qaghan and Kul-tegin (the 730s) that deciphering the mysterious script became possible. Over the next few decades the number of the runic monuments discovered grew considerably, which enabled Turkic rune studies to become an independent field of knowledge within Old Turkic philology.¹³

The monuments from Eastern Turkestan, which include no historiographic documents, are nevertheless, of prime importance for studying the culture and especially the ideology of Old Turkic tribes and peoples.

D.A. Klementz wrote this in his report article: "In Yar-Khoto, in caves used for dwelling and having no murals, we discovered lines of rune-resembling inscriptions scratched on the plaster. We copied them by rubbing and reproduced the inscriptions. In other places we had not encountered any significant inscriptions in this script; we had come across some individual characters in other caves near Yar-Khoto, in cave 28 in Murtuk and on the rocks near Sängim-ogiz, in the gorge on the right bank of the River Khara-Khodja."¹⁴ In another reporting docu-

¹¹ По подсчетам Р. Арата, в различных коллекциях хранится около 400 древнеуйгурских юридических и хозяйственных документов [Arat R.R. Eski türk hukuk vesikalari // Türk kültürü araştırmaları. С. 1. Ankara, 1964, S. 38]. Несмотря на имеющиеся попытки датировать некоторые из них X—XI вв., по вполне обоснованному заключению Л. Кларка и П. Циме, весь фонд известных уйгурских документов относится к монгольскому времени, т. е. к XIII—XIV вв.

¹² Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 44—70; А.Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. М., 1980. С. 14—22.

¹³ Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 37—60; Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 254—264; Кононов А.Н. Указ. соч. С. 7—13; Васильев Д.Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // Советская тюркология. 1976, № 1. С. 71—81, 92—98.

türk hukuk vesikalari." *Türk kültürü araştırmaları*. С. 1. Ankara, 1964, p. 38]. Although attempts have been made to assign some of them to the 10th and 11th centuries, L. Clark and P. Zieme made the well-grounded conclusion that all the known Uighur documents belong to Mongolian time, i.e. to the period from the 13th to the 14th century.

¹² Klyashtorny, S.G. *Old Turkic Runic Monuments as a Source on the History of Middle Asia*. М., 1964, pp. 44—70; Kononov, A.N. *Grammar of the Language of Turkic Runic Monuments of the 7th to 9th Centuries*. М., 1980, pp. 14—22.

¹³ Klyashtorny, S.G., Livshits, V.A. "Discovery and Study of the Old Turkic and Sogdian Epigraphic Monuments of Central Asia." *Archaeology and Ethnography of Mongolia*. Novosibirsk, 1978, pp. 37—60; Klyashtorny, S.G. "Old Turkic Writing and the Culture of the Peoples of Central Asia (from materials of field research work in Mongolia, 1968—1969)." *Turkologicheskyy Sbornik*. 1972. М., 1973, pp. 254—264; Kononov, A.N. *Op. cit.*, pp. 7—13; Vasilyev, D.D. "Monuments of Runic Writing in the Asian Area." *Soviet Turkology*. 1976, No 1, pp. 71—81, 92—98.

¹⁴ АО ИОМ РАС. Фонд 28. Inv. 1, unit 126. Klementz, D.A. Brief enumeration of the major data on the state of culture in Eastern Turkestan (manuscript). f. 52; Klementz, D. *Op. cit.*, p. 47.

В отчетной статье Д.А. Клеменц писал: «В Яр-Хото, в пещерах без живописи, служивших жилими помещениями, мы нашли ряды нацарапанных по штукатурке рунообразных надписей. Надписи эти были репродуцированы нами посредством эстампажа. В других местах мы не встречали сколько-нибудь значительных надписей, сделанных этим шрифтом; отдельные буквы встречались нам в других пещерах около Яр-Хото, в пещере 28 в Муртуке и на скалах близ Сенгима, в ущелье, на правом берегу реки Хара-ходжай»¹⁴. В другом отчетном документе, описывая «развалины Яр», Д.А. Клеменц отмечает: «В шестой и третьей пещерах стены покрыты глиной, и на них, среди разной мази, нашли мы рунические надписи. Они сняты, одна из них скопирована от руки». Далее он отмечает, что в разрушенных пещерах были обнаружены обрывки «полностью испорченных рунических надписей»¹⁵. Тут же имеется карандашный рисунок одной из рунических надписей. По фотографиям и эстампам Д.А. Клеменца В.В. Радлов издал четыре граффити, отмечая, что качество остальных копий не позволяет точно воспроизвести надписи.

Еще одно руническое граффити было обнаружено экспедицией П. Пеллио в восьмом пещерном храме Дуньхуана; надпись процарапана поверх росписи на левой стене и, к сожалению, мало разборчива; сама роспись относится ко второй половине VIII в.¹⁶

В 1914—1915 гг. находки рунической эпиграфики из Восточного Туркестана были пополнены С.Ф. Ольденбургом, доставившим из Турфана бронзовое зеркало танского времени с процарапанной на нем краткой рунической надписью: «...ащ агуууууз ... оуиш...» («...являй нам наши волнения! ... род...»). Судя по употреблению термина *агуу* (течение, поток, волнение), надпись имеет буддийское содержание¹⁷.

Следует отметить, что по своему дукту вся руническая эпиграфика из Восточного Туркестана близка енисейской, а не орхонской и совершенно отличается от дукта «рун на бумаге»¹⁸. По принадлежности все мелкие надписи восходят к буддийской среде. Тюркские буддийские общины в Монголии и Восточном Туркестане появились не позднее второй половины VI в. Ранее буддизм утвердился в позднегуннских

V.V. Radloff с супругой
V.V. Radloff with his wife

ment, when describing ‘the ruins of Yar’, D.A. Klementz remarks: “In caves 6 and 3, the walls are covered with clay and on them, among daubs of all kinds, we found runic inscriptions. We made copies, one was drawn by hand”. He further observes that in the ruined caves “fragments of completely spoilt runic inscriptions”¹⁵ were found. A pencil drawing of one of the runic inscriptions accompanies the text. From D.A. Klementz’s photographs and rubbings, V.V. Radloff published 4 graffiti, observing that the quality of the other copies was insufficient to reproduce the inscriptions adequately.

One more runic graffiti was found by the P. Pelliot expedition in cave temple 8 in Dunhuang; the inscription is scratched over the mural on the left wall and is, regretfully, scarcely legible; the mural itself dates from the second half of the 8th century.¹⁶

¹⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 126. Клеменц Д.А. Краткий перечень главнейших сведений о состоянии культуры в Восточном Туркестане (рукопись). Л. 52; Klementz D. *Op. cit.* S. 47.

¹⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 137. Клеменц Д.А. Описание древних городов и пещер в Турфанской земле, сделанное во время путешествия 1898 г. (рукопись). Л. 3, 5.

¹⁶ Pelliot P. *Les grottes de Touen-houang. Peintures et sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song.* T. 1, Paris, 1920, pl. 18.

¹⁷ Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // *Сообщения Государственного Эрмитажа.* Т. 39. Л., 1974. С. 45—48.

¹⁸ Там же. С. 47.

¹⁵ АО ИОМ РАС. Фонд 28. Inv. 1, unit 137. Klementz, D.A. Description of ancient towns and caves made during the expedition of 1898 (manuscript). f. 3 and 5.

¹⁶ Pelliot, P. *Les grottes de Touen-houang. Peintures et sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song.* Vol. 1, Paris, 1920, pl. 18.

*Руническая надпись из пещерного буддийского храма, расположенного севернее Турфана.
Фотография Д.А. Клеменца. Фрагмент*

*Runic inscription from a cave Buddhist temple located to the north of Turfan.
Photograph by D.A.Klementz. Fragment*

государствах Восточного Туркестана (IV—V вв.), с которыми генетически и исторически был связан царский род тюрков Ашина¹⁹. В самом раннем памятнике тюркской государственности — согдоязычной бугутской надписи (ок. 582 г.) упомянуто создание Таспар-каганом (572—581) «великой новой сангхи», т. е. буддийской общины²⁰.

Религиозная жизнь тюрков, в течение двух десятилетий превративших свой теменной союз в мощную державу, к началу 70-х гг. VI в. очень усложнилась. Наряду с традиционными культами Неба и Земли, культом предков и шаманизмом в этот период сказалось сильное воздействие великих азиатских религий, прежде всего буддизма. Уже с самого начала существования Первого тюркского каганата (551—630) его правители хорошо понимали роль не только военных, но и идеологических факторов в управлении обширной империей. В буддизме, приемлемом как для среднеазиатской и восточно-туркестанской, так и для дальневосточной сферы их влияния, тюркские каганы видели ту универсальную форму религии, которая могла помочь созданию некоей идеологической общности в очень разнородной по своему составу державе. Лишь социально-политический кризис каганата, начавшийся в 581 г., и последовавший затем его распад приостановили этот процесс.

In 1914–15 the finds of runic epigraphy from Eastern Turkestan were enhanced by S.F. Oldenburg, who brought from Turfan a bronze mirror from the Tang period with a brief runic inscription scratched on it: “...ač aqyqyūyz ... oγūš...” (“always show us our confusion! ... clan”). Judging by the use of the term *aqyq* (current, flow, agitation), the inscription is Buddhist in content.¹⁷

It should be noted that all the runic epigraphy from Eastern Turkestan is close in terms of script to the Yenisei type rather than the Orkhon variety and is totally different from the “rune on paper” script.¹⁸ All the short inscriptions belong to the Buddhist milieu. Turkic Buddhist communities emerged in Mongolia and Eastern Turkestan not later than the second half of the 6th century. Still earlier Buddhism had developed in the late Hun states of Eastern Turkestan (4th–5th centuries), with which the Ashina royal clan was connected genetically and historically.¹⁹ The earliest monument of Turkic state system — the Bugut inscription (*ca.* 582) in Sogdian — mentions the creation by Taspār Qaghan (572–581) of “a great new *sangha*”, i.e. a Buddhist community.²⁰

¹⁹ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 106—114.

²⁰ Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Т. 10. М., 1971. С. 140; Klyashtorny S.G., Livshits V.A. The Sogdian inscription of Bugut revised // Acta Orientalia, 1972. Т. 26, fasc. 1, pp. 86–87.

¹⁷ Klyashtorny, S.G., Lubo-Lesnichenko E.I. “Bronze Mirror from Eastern Turkestan with a Runic Inscription.” *Reports of the Hermitage Museum*. Vol. 39. L., 1974, pp. 45–48.

¹⁸ *Ibid.*, p. 47.

¹⁹ Klyashtorny, S.G. *Old Turkic Runic Monuments as a Source on the History of Middle Asia*. M., 1964, pp. 106–114.

²⁰ Klyashtorny, S.G., Livshits, V.A. “A Sogdian Inscription from Bugut.” *Countries and Peoples of the East*. Vol. 10. M., 1971, p. 140; Klyashtorny, S.G., Livshits, V.A. “The Sogdian Inscription from Bugut Revised.” *Acta Orientalia*. Vol. 26 (1972), fasc. 1, pp. 86–87.

Первые шаги для официального внедрения буддизма в религиозную практику тюрков были сделаны Мухан-каганом (553—572). Однако лишь Таспар придал буддийской миссии размах, который мог обеспечить сторонникам этой религии культурный и политический приоритет в каганской ставке. При нем были переведены на тюркский язык и записаны некоторые сутры. А. фон Габэн справедливо предположила, что только согдийцы могли воплотить этот перевод в письме²¹.

Весьма рано распространился буддизм и среди уйгурских племен. В 628—629 гг. уйгурский вождь Яоши из рода Яглакар был более известен под другим своим именем — Пуса (Бодхисаттва)²². Буддизм сохранял свое значение среди уйгуров наряду с традиционными культами и шаманизмом вплоть до принятия Бёгю-каганом в 762—763 гг. манихейства²³. Попытка возрождения буддизма как государственной религии во Втором тюркском каганате (687—744) в конце первого — начале второго десятилетий VIII в. успеха не имела, но постоянное существование в каганате буддийской тюркской общины не вызывает сомнений²⁴. Новым подтверждением этого вывода стала находка в Восточной Монголии монеты с рунической надписью буддийского содержания²⁵. Надпись датируется с наибольшей вероятностью концом VII — первой половиной VIII в., так как для VI — первой половины VII в. отсутствуют надежные свидетельства об употреблении рунического письма, а после 763 г. в Уйгурском каганате, т. е. на всей территории Монголии, буддизм впервые подвергся преследованиям, а предметы буддийского культа — уничтожению²⁶.

Господствующей религией среди уйгуров, уже на территории Восточного Туркестана, буддизм становится лишь в X в., оказывая сильнейшее воздействие на северные тюркские племенные объединения²⁷. Имеются свидетельства о существовании буддийской миссии среди кимаков²⁸ и кыргызов²⁹.

The religious life of the Turks, who had, over two decades, transformed their tribal union into a powerful qaghanate, became very complicated in the early '70s of the 6th century. As well as their worship of the Sun and Earth, cult of ancestors and Shamanism, they experienced a strong impact of the great Asian religions, primarily of Buddhism. From the very beginning of the First Turkic Qaghanate's existence (551—630), its rulers realized very well the role of ideological factors, in addition to the military ones, for the control over the extensive empire. In Buddhism, which was acceptable for the Middle Asian, Eastern Turkestan and Far Eastern spheres of their influence, the Turkic qaghans saw the universal form of religion that could be instrumental in creating a sort of ideological cohesion in their diversely composed empire. The process was curtailed only by the Qaghanate's social and political crisis of 581 and the state's subsequent disintegration.

The first steps for official introduction of Buddhism into the religious practice of the Turks were taken by Mukhan Qaghan (553—572). It was Taspar, however, who was able to provide for the Buddhist message most favourable conditions and for its followers high political and cultural standing in the upper echelons of the Qaghanate. In his reign some sutras were translated into Turkic and put down. A. von Gabain had good reasons to assume that only Sogdians were able to give the translation a written form.²¹

The dissemination of Buddhism among the Uighur tribes also took place fairly early. In 628—629 the Uighur chieftain Yaoshi of the Yaglakar clan was better known under his other name of Pusa (Bodhisattva).²² Buddhism remained important for the Uighurs, alongside with their traditional cults and Shamanism, until the adoption of Manicheism by Bögü Qaghan in 762—763.²³ The attempted revival of Buddhism as a state religion in the Second Turkic Qaghanate (687—744) in the late 1st — early 2nd decade of the 8th century was unsuccessful, but the continuous existence of a Buddhist community is undoubted.²⁴ The find in Eastern Mongolia of a coin with a runic inscription of Buddhist content is an extra proof of this conclusion.²⁵ The inscription is most likely to date from the late 7th century or the first half of the 8th, for there is no reliable evidence that runic writing was in use in the 6th century or the first half of the 7th, whereas after 763 Buddhism in the Uighur Qaghanate, i.e.

²¹ Gabain A. v. *Buddhistische Türkenmission // Asiatica*. Leipzig, 1954. S. 196.

²² Бичурин Н.Я. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 300—302; Gabain A. v. *Op. cit.* S. 169.

²³ Gabain A. v. *Der Buddhismus in Zentralasien // Handbuch der Orientalistik*. Abt. I, Bd. 8, 2. Abschnitt, Leiden, 1961. S. 506—507.

²⁴ Там же.

²⁵ Кляшторный С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии // *Тюркологический сборник*. 1972. М., 1973. С. 334—338.

²⁶ Gabain A. v. *Op. cit.* S. 169.

²⁷ Gabain A. v. *Op. cit.* S. 506—509.

²⁸ Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Рунические надписи на зеркале из Верхнего Прииртышья // *Тюркологический сборник*. 1972. М., 1973. С. 306—315.

²⁹ Thomas F., Clauson G. *Second Chinese Buddhist Text in Tibetan Characters // JRAS*, 1927, pp. 282—283.

²¹ Gabain, A. v. "Buddhistische Türkenmission." *Asiatica*. Leipzig, 1954, p. 196.

²² Bichurin, N.Ya. *Collection of Information on the Peoples that Inhabited Middle Asia in Ancient Times*. Vol. 1, M., L., 1950, pp. 300—302; Gabain, A. v. *Op. cit.*, p. 169.

²³ Gabain, A. v. "Der Buddhismus in Zentralasien." *Handbuch der Orientalistik*. Abt. I, Bd. 8, 2. Abschnitt, Leiden, 1961. S. 506—507.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ Klyashtorny, S.G. "A Coin with a Runic Inscription from Mongolia." *Turkologicheskyy Sbornik*. 1972. M., 1973, pp. 334—338.

Военное присутствие енисейских кыргызов в Джунгарии и Таримском бассейне во второй половине IX—X вв. отмечено разными источниками, однако весьма вероятно, что оно носило эпизодический характер и не завершалось их переселением на эти земли³⁰. Следует иметь в виду, впрочем, что руническое письмо в его енисейском варианте представлено в эпиграфике Западной Монголии³¹ и использовалось не только кыргызами. Во всяком случае, мы можем засвидетельствовать, учитывая сравнительно позднюю датировку енисейских памятников, наличие в Турфанском оазисе в IX—XI вв., а, возможно, и в Дуньхуане, тюркоязычных буддийских общин, не идентичных уйгурской и, скорее всего, связанных с северными или северо-восточными соседями уйгуров.

Наряду с рунической эпиграфикой, в Восточном Туркестане и Дуньхуане был обнаружен небольшой фонд рунических текстов на бумаге. Первые находки такого рода были сделаны в 1902 г. во время раскопок экспедиции А. Грюнведеля на городище Идикут-шари. Все фрагменты были вскоре после находки изданы и интерпретированы А. Лекоком³². Найдены манихейских книжных фрагментов рунического письма были сделаны экспедицией А. Лекока (1905—1906). В 15 км к востоку от Идикут-шари, на берегу речки Туюк, им было раскопано монастырское здание и обнаружены два книжных листка с рунами³³.

Небольшой фрагмент книги рунического письма (листок с шестью неполными строками) был приобретен в селении Хара-Ходжа в 1909 г. С.Ф. Ольденбургом. Местный крестьянин добыл этот оборванный бумажный листок на городище Идикут-шари. Текст, изданный В.В. Радловым, слишком отрывочен и не поддается идентификации; отчетливо читаются лишь отдельные даты по двенадцатилетнему животному циклу. Упомянут, в частности, «год змеи»³⁴.

Последняя по времени находка рунического текста на бумаге в Турфанском оазисе была сделана А. Стейном во время его третьей восточнотуркестанской экспедиции (1913—1916)³⁵. Неполный лист, вырванный из «книги-

on the entire territory of Mongolia, became subject to persecution and its objects of worship — to destruction.²⁶

It was not until the 10th century that Buddhism became the dominant religion among the Uighurs, now on the territory of Eastern Turkestan, and exerted a strong influence on the Turkic tribal unions of the north.²⁷ There is evidence that a Buddhist mission existed on the lands of the Kimaks²⁸ and Kyrgyzes.²⁹

The military presence of the Yenisei Kyrgyzes in Jungaria and the basin of the Tarim is recorded in different sources, but it is very likely that it was sporadic and never resulted in their migrating and settling on those lands.³⁰ Incidentally, it should be pointed out that the Yenisei version of runic writing is found in the epigraphy of Western Mongolia³¹ and its use was not confined to the Uighurs. In any case, we can assert, taking into consideration the relatively late date of the Yenisei monuments, that in the 9th to 11th centuries, in Turfan oasis and possibly in Dunhuang there existed Turkic Buddhist communities that were not identical to Uighur ones and were most likely connected with the northern or north-eastern neighbours of the Uighurs.

Besides runic epigraphy, a limited number of runic texts on paper were discovered in Eastern Turkestan and Dunhuang. The first finds of this kind were made by the expedition of A. Grünwedel in 1902 during the excavations of Idiqutshari. Soon after the excavations, all the finds were published and interpreted by A. Le Coq.³² Finds of Manichaean book fragments in runic writing were made by the expedition of A. Le Coq of 1905—06. He excavated a monastery building on the bank of the Toyuq stream, 15 km east of Idiqutshari, and found two book sheets with runes.³³

A small fragment of a book written in runes (a sheet with six incomplete lines) was bought by S.F. Oldenburg in Khara-Khodja, in 1909, from a local peasant who had dug the shabby sheet of paper at the site of Idiqutshari. The text, which was published by V.V. Radloff, is too fragmentary to identify it properly; clear are just a few dates according to the 12-year animal cycle. It mentions, for one, “the snake year”.³⁴

³⁰ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 95.

³¹ Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 154.

³² Le Coq A. v. Köktürkisches aus Turfan. Manuskriptfragmente in köktürkischen Runen aus Toyoq und Idique-Schähri, Oase von Turfan // SPAW. 1909. S. 1047—1061.

³³ *Ibid.*, S. 1050.

³⁴ Radloff W. Alttürkische Studien. III. Ein Fragment in türkische Runenschrift // ИИАН, 1910. С. 1025—1036.

³⁵ Thomsen V. Fragment of a Runic Turkish Manuscript Kao. 0107 from Kara-Khoja // Stein A. Innermost Asia, Oxford, 1928. Vol. 2, pp. 1082—1083, pl. 124.

²⁶ Gabain, A. v. *Op. cit.* S. 169.

²⁷ Gabain, A. v. *Op. cit.* S. 506—509.

²⁸ Arslanova, F.H., Klyashtorny, S.G. “Runic Inscriptions on a Mirror from the Upper Reaches of Irtysh.” *Turkologicheskyy Sbornik*. 1972. M., 1973, pp. 306—315.

²⁹ Thomas, F., Clauson, G. “Second Chinese Buddhist Text in Tibetan Characters.” *JRAS* (1927), pp. 282—283.

³⁰ Kyzlasov, L.R. *History of Tyva in the Middle Ages*. M., p. 95.

³¹ Klyashtorny, S.G. “Mongolian Runic Inscriptions on Rocks.” *Turkologicheskyy Sbornik*. 1975. M., 1978, p. 154.

³² Le Coq, A. v. “Köktürkisches aus Turfan. Manuskriptfragmente in köktürkischen Runen aus Toyoq und Idique-Schähri, Oase von Turfan.” *SPAW*. 1909. S. 1047—1061.

³³ *Ibid.*, p. 1050.

³⁴ Radloff, W. “Alttürkische Studien. III. Ein Fragment in türkische Runenschrift.” *PIAS*. 1910, pp. 1025—1036.

тетради», содержит два столбца рунического текста, написанного черными и красными чернилами. Сохранилось пятнадцать строк левого столбца и начальные знаки правого. Сохранившийся текст является отрывком из повествования об обращении в манихейство некоего принца, Алп Сынкуртегина, который назван манихейским термином *niyošaq* (слушатель), обозначающим члена манихейской религиозной общины, занимающего самую нижнюю ступень в церковной иерархии.

На нескольких согдийских и уйгурских рукописях из Турфанского оазиса обнаружены приписки руническим письмом. По сообщению А. Лекока, «краткий тюркский конечный колофон, написанный тюркскими рунами», имеет один из листков согдийской манихейской книги³⁶. Вероятно, речь идет о неотождествленном согдийском манихейском фрагменте, изданном Ф.-В.-К. Мюллером. Он содержит надпись из двух сохранившихся слов в одной строке руническим письмом на оборотной стороне листа: «...er bitidim» (...[это] я, муж [по имени] ...написал)³⁷.

Наиболее известна руническая приписка (колофон?) на оборотной стороне так называемого «лондонского свитка» буддийской сутры «Секыз юкмак» («Восемь акцидентий») ³⁸. Приписка состоит из двух слов (двенадцать знаков). Поскольку начальный знак второго слова неясен, В. Банг и его соавторы, интерпретируя первое слово как *kürüg* (лазутчик, соглядатай), чтения и перевода всей фразы не дали. Наиболее удачный вариант интерпретации предложил А.Н. Бернштам: «...kürüg bitidim» ([Это] написал я, Кюрюг)³⁹. Датировка списка, а, следовательно, и приписки дается В. Бангом по хронологически неточным фонетическим фактам. Предложенная им дата — XI—XII вв. — вызывает оправданные сомнения. Рукопись лондонского свитка вряд ли позднее X в.⁴⁰

На оборотной стороне официального письма уйгурским шрифтом, обнаруженного одной из немецких экспедиций в Турфанском оазисе, оказались семь неполных строчек руни-

The latest find of a runic text on paper was made by A. Stein during his third Eastern Turkestan expedition (1913–16).³⁵ The incomplete sheet torn from a note-book contains two columns of a runic text written in black and red ink. Fifteen lines of the left column and the initial signs of the right one have survived. The extant text is a passage from a narrative about the conversion into Manicheism of a certain prince, Alp Synkurtegin, who is referred to as *niyošaq* (listener), which denotes a member of the Manichaean community occupying the lowest rung in the church hierarchy.

On several Sogdian and Uighur manuscripts from Turfan oasis the researchers discovered added lines in runic script. According to A. Le Coq, one of the sheets of a Sogdian Manichaean book bears “the brief Turkic colophon written in Turkic runes”.³⁶ What is meant is probably the unidentified Sogdian Manichaean fragment published by F.-W.-K. Müller. It contains an inscription consisting of two surviving words in one line on the verso of the sheet: “...er bitidim» (...[this is] I, man [named] ... wrote”).³⁷

Particularly famous is the runic addition (colophon?) on the verso of the so-called “London copy” of the Buddhist sutra *Sekiz yukmak* (“Eight Accidents”).³⁸ The addition consists of two words (twelve characters). Since the first character of the second word is unclear, W. Bang and his co-writers interpreted the first word as *kürüg* (scout, spy), but gave no translation or reading of the phrase as a whole. A.N. Bernshtam suggested a version that seems to be the most suitable: “kürüg bitidim” ([This] wrote I, Kürüg).³⁹ The dating of the copy, and consequently of the addition, was offered by W. Bang on the basis of chronologically imprecise phonetic facts, therefore the date he determined — 11th–12th century gives rise to justified doubts. The London manuscript can hardly be from later than the 10th century.⁴⁰

The verso of an official letter discovered by one of the German expeditions in Turfan oasis turned out to have seven incomplete lines of a runic text, which has now been published

³⁶ Le Coq A. v. Türkische Manichaica aus Chotscho. II // Abhandlungen der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften. Nr. 3, 1919. S. 4.

³⁷ Müller F.W.K. Sogdische Texte. II // SPAW. Bd. 21, 1934. S. 548.

³⁸ Bang W., Gabain A. v., Rachmati G.R. Türkische Turfantexte. VI. Das buddhistische Sutra Säkiz üükmäk // SPAW. Bd. 10, 1934. S. 97.

³⁹ Бернштам А.Н. Руническая надпись в уйгурской рукописи // Записки ИВ АН СССР. Вып. 7, 1939. С. 303—305. См. также: М. Rabsänen. Zu dem türkischen Runenschriftentrag in der uigurischen Uebersetzung des buddhistischen Sutra Säkiz Yükmek // Studia Orientalia. Bd. 6. 1936. Nr. 1. S. 1—2.

⁴⁰ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. Указ. соч. С. 50. См. также: Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 36.

³⁵ Thomsen, V. “Fragment of a Runic Turkish Manuscript Kao. 0107 from Kara-Khoja.” In Stein, A. *Innermost Asia*, Oxford, 1928. Vol. 2, pp. 1082–1083, pl. 124.

³⁶ Le Coq, A.v. “Türkische Manichaica aus Chotscho. II.” *Abhandlungen der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften*. No. 3, 1919. S. 4.

³⁷ Müller, F.W.K. “Sogdische Texte. II.” SPAW. Bd. 21, 1934. S. 548.

³⁸ Bang, W., Gabain, A. v., Rachmati, G.R. “Türkische Turfantexte. VI. Das buddhistische Sutra Säkiz üükmäk.” SPAW. Bd. 10, 1934. S. 97.

³⁹ Bernshtam, A.N. “A Runic Inscription in an Uighur Manuscript.” *Transactions of the IOS of the USSR AS*. Issue 7, 1939, pp. 303–305. See also: Rabsänen, M. “Zu dem türkischen Runenschriftentrag in der uigurischen Uebersetzung des buddhistischen Sutra Säkiz Yükmek.” *Studia Orientalia*. Bd. 6. 1936, Nr. 1. S. 1–2.

⁴⁰ Klyashtorny, S.G. *Old Turkic Runic Monuments*, p. 50. See also: *Old Turkic Dictionary*. L., 1969, p. 36.

ческого текста, ныне изданного и интерпретированного П. Циме и С. Тезджаном. Им, однако, не всегда удавалось распознавание весьма небрежных и искаженных начертаний рунических знаков. Другое чтение фрагмента предположил Дж. Клосон, назвавший этот текст «руническими каракулями», демонстрировавшими позднейший пережиточный образец рунического письма.

Рукописи руническим письмом были обнаружены второй восточно-туркестанской экспедицией А. Стейна 1906—1908 гг. в двух местах — в Дуньхуане и Миране. Всего было найдено 12 фрагментированных и полных текстов. По просьбе А. Стейна все найденные им тюркские рунические тексты были изучены, дешифрованы и изданы В. Томсеном⁴¹. Один небольшой фрагмент рукописи рунического письма был обнаружен в Пещерах тысячи будд экспедицией П. Пеллио (инв. № РТ 2132)⁴².

Самой важной находкой среди «рун на бумаге» была небольшая книжка из двадцати девяти согнутых тетрадь листов, размером 13,2 × 8 см, с текстом из 104 строк. Текст содержит шестьдесят пять небольших «притч», в конце рукописи — колофон, написанный красными чернилами поверх китайского буддийского текста⁴³. Заглавия книга не имела, но непосредственно перед колофоном стояли слова: «Эта книга гаданий (знамений) хороша!». Поэтому памятник стал известен под названием «Брк битиг» («Книга гаданий»)⁴⁴.

«Брк битиг» по праву считается одним из труднейших для понимания древнетюркских текстов. Его издание, принятое В. Томсеном, до настоящего времени остается единственно приемлемым для изучения памятника, так как совмещая транслитерацию с транскрипцией и фиксируя пунктуационный знак-словоразделитель, В. Томсен сохранил до некоторой степени графическую основу текста, включая все ошибки и описки автора (переписчика?), частично оговорив их. В последующих изданиях транслитерация либо недостаточно последовательна⁴⁵, либо вовсе игнорируется⁴⁶, несмотря на признанную условность многих мест транскрипционного текста. Перевод почти каждой из шестидеся-

and interpreted by P. Zieme and S. Tesčan. They, however, did not always succeed in identifying the very careless and distorted writing of the runic characters. A different reading of the text was offered by G. Clauson, who called the text “runic scribble”, which was a sample of late, degenerate runic writing.

Runic manuscripts were found by the second expedition of A. Stein to East Turkestan (1906—08) in two locations — in Dunhuang and Miran. They found 12 fragments and complete texts. On A. Stein’s request, all the Turkic runic texts he had found were studied, deciphered and published by W. Thomsen.⁴¹ One small fragment of a runic manuscript was found in the Caves of a Thousand Buddhas by P. Pelliot (Inv. No PT 2132).⁴²

The most important among ‘runes on paper’ was a small book of 29 sheets folded like a notebook, sized 13.2 × 8 cm, with a text of 104 lines. The text contains sixty-five short ‘parables’ and a colophon at the end, written in red ink over a Chinese Buddhist text.⁴³ The book had no title, but right before the colophon it had the following inscribed: “This book of fortune-telling (omens) is good!” Hence the monument became known as *Yrk bitig* (‘Fortune-Telling Book’).⁴⁴

Yrk bitig is deservedly regarded as one of the most difficult Old Turkic texts to understand. Its edition undertaken by W. Thomsen has up to now remained the only acceptable aid for studying the monument, for Thomsen, by combining transliteration with transcription and fixing a special punctuation sign for separating words, retained to a certain degree the graphic foundation of the text, including all the errors and slips of the writer, partly explaining them. In subsequent editions the transliteration is either insufficiently consistent,⁴⁵ or is ignored altogether,⁴⁶ despite a certain artificiality of many places in the transcription text. Almost each of the 65 parables contained in the text is a great challenge for the translator and in some cases their translations are still regarded as tentative.

The researchers of the monument unanimously point out its closest connection with the Orkhon cultural tradition, which is manifest not only in the Shamanic subject-matter (as S.E. Malov put it), but also in the linguistic, stylistic and com-

⁴¹ Thomsen V. Dr. M.A. Stein’s manuscripts in Turkish «Runic» script from Miran and Tun-huang // *JRAS*, 1912, pp. 181—227. Однако факсимильное воспроизведение текста ограничено здесь лишь пятью «страницами» книги. См. также фотографии А. Стейна [Stein A. *Serindia*. Vol. 2. Oxford, 1921, pp. 921, 924].

⁴² Hamilton J. Les manuscrits turcs anciens de la grotte murée de Touen-houang // *Journal Asiatique*. T. 269, 1981. fasc. 1—2, p. 16.

⁴³ Hamilton J. Le colophon de l’*Yrk bitig* // *Turcica*. T. 7, 1975, pp. 10—11.

⁴⁴ Bang W., Gabain A.v. *Türkische Turfan-Texte I* // SPAW, 1929. S. 242—243; Hamilton J. Le colophon... *Op. cit.*, pp. 8—9.

⁴⁵ Orkun H.N. *Eski türk yazitlari*. İstanbul, 1939. C. 2. S. 73—91.

⁴⁶ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 80—92.

⁴¹ Thomsen, V. “Dr. M. A. Stein’s Manuscripts in Turkish ‘Runic’ Script from Miran and Tun-huang.” *JRAS* (1912), pp. 181—227. However, the facsimile reproduction of the text is confined here to only five “pages” of the book. See also A. Stein’s photographs [Stein, A. *Serindia*. Vol. 2. Oxford, 1921, pp. 921, 924].

⁴² Hamilton, J. “Les manuscrits turcs anciens de la grotte murée de Touen-houang.” *Journal Asiatique*, T. 269, fasc. 1—2. 1981, p. 16.

⁴³ Hamilton, J. “Le colophon de l’*Yrk bitig*.” *Turcica*. T. 7, 1975, p. 10—11.

⁴⁴ Bang, W., Gabain A. v. “Türkische Turfan-Texte I”. SPAW, 1929. S. 242—243; Hamilton, J. “Le colophon...”, pp. 8—9.

⁴⁵ Orkun, H.N. *Eski türk yazitlari*. İstanbul, 1939. C. 2. S. 73—91.

⁴⁶ Malov, S.E. *Monuments of Old Turkic Writing*. M., L., pp. 80—92.

ти пяти притч, содержащихся в «Книге», представляет немалую сложность, а во многих случаях и до сего дня остается предположительным.

Исследователи памятника единодушно указывают на его теснейшую связь с «орхонской» культурной традицией, проявившуюся не только в «шаманском» (по выражению С.Е. Малова) содержании, но также и в языке, и в композиционно-стилистических особенностях. В то время как А. фон Габэн отмечает воздействие манихейской и даже христианской литературы лишь на формальные элементы текста⁴⁷, И.В. Стеблева видит общее влияние манихейских идей на содержание памятника, проявившееся в противопоставлении добра и зла⁴⁸. Дж. Гамильтон, напротив, полагает, что прототипом древнетюркского текста были популярные в Восточном Туркестане той эпохи тибетские (*resp.* индийские) наставления о приметах и поверьях, содержащие оценки-противопоставления («плохо» — «хорошо») того же типа, что и «Брк битиг»⁴⁹. Так или иначе, в «Брк битиг» собраны притчи, распространенные в древнетюркской среде или связанные с сюжетами, общими для этой среды, и отражающие в той или иной степени простонародные поверья.

В притчах памятника содержится своего рода повествование о «борьбе за веру» в самых высших сферах языческого мира древних тюрков, о манихейской миссии, перенесенной в Верхний, Средний и Нижний миры, населенные шаманскими духами и божествами, о подчинении и обращении к новой вере их обитателей — противников религии Мани. Известно, что манихейство охотно включало в свой пантеон «обратившиеся» местные божества, воспринимая и связанные с ними представления. В самом манихействе не существовало понятия «трех миров», упоминаемых в тексте; его теология и эсхатология базировались на других принципах, главными из которых были «две основы» и «три эпохи», нашедшие терминологическое выражение в древнетюркской лексике (*iki jylytz, üč öd*).

Столь слабое отражение следов манихейства в этом скорее фольклорном, чем религиозном тексте, созданном в манихейской обители, как, впрочем, и сам выбор алфавита для его написания, говорит о явном упадке манихейства уже в первой трети X в. среди уйгурского населения Восточного Туркестана, что было отмечено Л. Базэном⁵⁰. Наряду с

positional peculiarities. Whereas A. von Gabain observes the influence of Manichaeism and even Christian literature only on some formal elements of the text,⁴⁷ I.V. Stebleva sees also the general effect of the Manichaeism ideas on the content of the monument, manifest in the opposition of good and evil.⁴⁸ J. Hamilton, on the contrary, believes that the prototypes of the Old Turkic text were Tibetan (*resp.* Indian) instructive stories popular in Eastern Turkestan in those days about omens and beliefs, which contained contrasting appraisal notions ('bad' *vs.* 'good') of the same type as in *Yrk bitig*.⁴⁹ Anyway, the 'Book' was a collection of parables of wide currency in the Old Turkic society or connected with subjects of common interest and reflecting to some extent the beliefs of the common people.

The parables of the monument present a narrative about "struggle for faith" in the highest spheres of the pagan world of the ancient Turks, about the Manichaeism message, which had been brought into the Upper, Medium and Lower worlds inhabited by Shamanic spirits and about the conversion to the new faith of their inhabitants — enemies of the Mani religion. Manicheism is known to have willingly included in its pantheon "converted" local deities, accepting also the ideas connected with them. In Manicheism itself there was no concept of the three worlds mentioned in the text; its theology and eschatology were founded on other principles, the main of which were "two bases" and "three epochs", which found terminological expression in Old Turkic vocabulary (*iki jylytz, üč öd*).

Such a weak reflection of traces of Manicheism in this text, which is of folklore rather than religious type, though created in a Manichaeism monastery, testifies, no less than does the choice of alphabet for writing it, to a decline of Manicheism among the Uighur population of Eastern Turkestan by as early as the first third of the 10th century, as noted by L. Bazin.⁵⁰ Alongside with a gradual strengthening in the state of Kocho of the positions of Buddhism, which reached its apogee somewhat later, observable is also a certain awakening of ancient beliefs and outlooks, as well as certain adaptation to the new conditions of life, predominantly urban and settled and proceeding under the influence of some other massive ethnic and cultural influence.

Both of these processes are reflected in yet another Turkic runic text on paper from the Caves of a Thousand Buddhas, which is entered in A. Stein's collection under the codes

⁴⁷ Gabain A. v. Die alttürkische Literatur // *Philologia Turcica Fundamenta*. Bd. 2. S. 215–216.

⁴⁸ Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // *Тюркологический сборник*. 1971. М., 1972. С. 222—223.

⁴⁹ Hamilton J. Le colophon... *Op. cit.*, pp. 9–10; см. также: Arlotto A. Old Turkic Oracle Books // *Monumenta serica*. Vol. 29, 1970—1971, pp. 685–636.

⁵⁰ Bazin L. *Les calendriers turcs anciens et medievales*. Lille, 1974, p. 296.

⁴⁷ Gabain, A. v. "Die alttürkische Literatur." *Philologia Turcica Fundamenta*. Bd. 2. S. 215–216.

⁴⁸ Stebleva, I.V. "On the Reconstruction of the Old Turkic Religious and Mythological System." *Turkologicheskyy Sbornik*. 1971. M., 1972, pp. 222–223.

⁴⁹ Hamilton, J. "Le colophon...", pp. 9–10; see also: Arlotto, A. "Old Turkic Oracle Books." *Monumenta serica*. Vol. 29 (1970–71), pp. 685–636.

⁵⁰ Bazin, L. *Les calendriers turcs anciens et medievales*, Lille, 1974, p. 296.

постепенным укреплением в государстве Кочо позиций буддизма, достигшего своего подъема несколько позднее, наблюдается как некоторое оживление древних верований и представлений, так и их известная адаптация к новой, по преимуществу городской или оседлой жизни, происходившая не без влияния иных этнокультурных массивов.

Оба эти процесса нашли свое отражение еще в одном тюркском тексте на бумаге руническим письмом из Пещер тысячи будд, хранящемся в коллекции А. Стейна под шифрами Or. 8212 (78) и (79)⁵¹. Рукопись состоит из семи фрагментов, по большей части небольших, один из которых сохранил стандартную ширину китайских официальных документов VIII—X вв. — 28—30 см⁵². Тюркский текст помещен на обратной стороне уже использованного китайским писцом листа, что не было зафиксировано первоиздателем тюркского памятника В. Томсеном, так как он имел в своем распоряжении фотографию только одной стороны каждого фрагмента. Томсен издал несколько наиболее полных отрывков и определил их как тексты религиозного содержания⁵³.

Повторно к изучению этого памятника обратились Дж. Гамильтон и Л. Базэн. Интерпретация китайской стороны самого крупного фрагмента позволила Дж. Гамильтону установить, что документ является копией донесений полководца Го Чэн-тао императору династии Поздняя Тан (923—936) и датирован концом декабря 925 г. В январе 926 г. Го Чэн-тао был убит, а в 936 г. пала династия Поздняя Тан. Только после этого события архив, принадлежавший императорским учреждениям в Шачжоу (Дуньхуане), был разграблен и бумаги из архива были использованы вторично. Таким образом, определяется время написания тюркского текста — середина или вторая половина IX в.⁵⁴

Тщательное изучение тюркского текста фрагментов показало, что в пещерном храме обнаружен самый древний сборник тюркских пословиц (следующая по времени запись пословиц, принадлежавшая Махмуду Кашгарскому, относится к 1070 г.). Сохранность текста явно недостаточна для уверенных суждений о древнетюркской паремиологии, и все же легко выделяются пословицы и речения, восходящие к более древней традиции, и пословицы, созданные в условиях тогда еще нового для вчерашних кочевников городского быта.

Or. 8212 (78) and (79).⁵¹ The monument consists of seven predominantly small fragments, one of which retained the standard width of Chinese official documents from the 8th—10th centuries: 28—30 cm.⁵² The Turkic text appears on the verso of a sheet previously used by a Chinese scribe — a fact not recorded by W. Thomsen, the first publisher of the text, because he had at his disposal photographs of only recto sides of each fragment. Thomsen published several of the most complete passages and identified them as texts with a religious subject matter.⁵³

J. Hamilton and L. Bazin studied the monument again. Translation and analysis of the Chinese side of the largest fragment enabled J. Hamilton to establish that the document was a copy of the dispatches of general Guo Cheng-tao to the Emperor of the Late Tang dynasty (923—936) and dates from late December 925. In January 926 Guo Cheng-tao was killed, and in 936 the Late Tang dynasty fell. Only after that event the archive of the emperor's offices in Shazhou (Dunhuang) was plundered and the papers from the archives were re-used. It follows from this that the Turkic text is datable to the middle or second half of the 9th century.⁵⁴

A thorough study of the Turkic text fragments has shown that the find in the cave temple is the most ancient collection of Turkic proverbs (the next recording of proverbs made by Mahmud Kashgari dates from 1070). The state of preservation of the text is obviously insufficient to make any definite judgments about Old Turkic paremiology, but it is easy to note down proverbs that trace their descent from the more ancient tradition and those that were made in the conditions of urban living, which was still new for former nomads.

The social background in which such new figures appear as a scribe, a mediator soliciting for other people and a petitioner submitting a written application, was very different from the former social order of the “steppe empires”. The new way of life gave rise to new words and phrases reflecting century-old and sometimes excruciating processes of the break and change of the lifestyle and cultural traditions of Eastern Turkestan experienced by many Turkic tribes.

Two official documents in runic writing, one found in Dunhuang and the other in the excavations of the fortress in Miran, evidence the existence of military quartermaster office work in the Turkic language and in Turkic milieu. The docu-

⁵¹ Stein A. *Serindia. Detailed Report of Exploration in Central Asia and Westernmost China*, vol. 2, pp. 294—295.

⁵² Fujieda A. *The Tunhuang manuscripts, a general description // Zinbun. Memoirs of the Research Institute for Humanistic Studies*. Kyoto, 1966, pt. 1, p. 28.

⁵³ Thomsen V. Dr. M. A. *Stein's Manuscripts*, Oxford, 1921, pp. 215—217.

⁵⁴ Hamilton J., Bazin L. *Un manuscrit chinois et turc runiforme de Touen-houang // Turcica*. T. 4, 1972, pp. 25—28; Bazin L. *Op. cit.*, p. 292.

⁵¹ Stein, A. *Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China*. Vol. 2, pp. 294—295.

⁵² Fujieda, A. “The Tunhuang Manuscripts, a General Description.” *Zinbun. Memoirs of the Research Institute for Humanistic Studies*. Kyoto, 1966, pt. 1, p. 28.

⁵³ Thomsen, V. Dr. M. A. *Stein's Manuscripts*, Oxford, 1921, pp. 215—217.

⁵⁴ Hamilton, J., Bazin, L. “Un manuscrit chinois et turc runiforme de Touen-houang.” *Turcica*. T. 4, 1972, pp. 25—28; Bazin, L. *Op. cit.*, p. 292.

Социальный фон, на котором появляются столь характерные фигуры как писец, ходатай по чужим делам, проситель, подающий письменное ходатайство, весьма отличен от прежнего общественного устройства «степных империй». Новый быт породил новые слова и речения, за которыми — многовековой и нередко мучительный процесс ломки и изменения многими тюркскими племенами жизненного уклада и культурных традиций Восточного Туркестана.

Два деловых документа рунического письма, один из которых обнаружен в Дуньхуане, а другой найден при раскопках в крепости Миран, свидетельствуют о наличии военно-интендантского делопроизводства на тюркском языке и в тюркской среде. Документ из Дуньхуана (IX — начало X в.) сообщает о прибытии (в Шачжоу?) отряда знатных тюркских воинов, сопровождаемых слугами, всего тридцать человек, которым полагалось от местного интенданства довольствие — ежедневно по барану и два кувшина браги каждому⁵⁵. Документ подписан одним из воинов, Багатуром-чигши; написан он плохо выработанным неуверенным почерком; одна из особенностей письма — более частое обозначение гласных, чем в других текстах, в чем, может быть, сказывается влияние уйгурского курсива.

Очень важен другой интендантский документ из трех кусков, найденный в Миране. Крепость Миран контролировала путь из южнотаримских оазисов в Дуньхуан и была разрушена в IX в. Сам документ, по мнению А. Стейна, попал в Миран случайно, его происхождение связано с Дуньхуаном или Кучой⁵⁶. Такое предположение представляется вполне обоснованным. Дата документа не вызывает особых сомнений — вторая половина VIII — начало IX в., т. е. эпоха существования Уйгурского каганата в Монголии и борьба этого государства за господство над северными оазисами Таримского бассейна. Поскольку в надписи упоминаются токуз-огузские племена (байарку, кюрабиры) и сообщается о доставке лошадей из родного юрта, то документ, скорее всего, свидетельствует о наличии письменного делопроизводства в армии Уйгурского каганата. Основное содержание документа — распределение между воинами военного снаряжения (доспехов, шлемов, мечей) и лошадей.

Этими открытиями и находками исчерпываются известные памятники древнетюркского рунического письма на территории Восточного Туркестана. Несомненно, они составляют лишь малую часть того, что было создано и написано

ment from Dunhuang (9th or early 10th century) reports the arrival (in Shazhou?) of a detachment of Turkish noble warriors, accompanied by their attendants, thirty people in all, entitled to a daily subsistence allowance: a sheep and two jugs of beer for each.⁵⁵ The document is signed by one of the soldiers, Baghatur-chigshi; it is written in unsteady hand; one of the peculiarities of the writing is a more frequent use of vowel signs than in other texts, which might be due to the influence of Uighur cursive writing

Very important is another quartermaster document consisting of three pieces, found in Miran. The fortress of Miran controlled the road from the oases of the south Tarim to Dunhuang and was destroyed in the 9th century. In the opinion of A. Stein, the document itself found its way to Miran by chance and its origin must have been connected with Dunhuang or Kucha.⁵⁶ This supposition appears quite well grounded. There is no reasonable doubt about the dating of the document — the second half of the 8th century or the beginning of the 9th, i.e. the epoch of the existence of the Uighur Qaghanate in Mongolia and the struggle of that state for dominance over the northern oases of the Tarim Basin. As the inscription mentions Tokuz-Oguz tribes (Baiarku and Kürabirs) and reports the delivery of horses from the home yurt, the document is primarily a proof that the record-keeping in the army of the Uighur Qaghanate was done in written form. The purport of the document was the distribution of military equipment (such as armour, helmets and swords) and horses among the soldiers.

The most famous monuments of the Old Turkic runic writing on the territory of Eastern Turkestan are virtually confined to the above discoveries and finds. Undoubtedly, they account for only a fraction of what was created and written in this variety of Turkic writing. The genre diversity of the finds evidences a wide use of runic script in different spheres of life: religion, business, military affairs and even, uniquely, in the recording of folklore and literature. Uighur writing came to be used for such purposes much later, not earlier than the second half of the 11th century. It was precisely in Eastern Turkestan that Old Turkic rune writing lost its narrowly epigraphic character and joined the category of scripts used for creating manuscript books in Turkic. The acme of Turkic runic scripts, however, predetermined also their decline and disappearance — unfit for fast writing and incapable of evolution, the runic script failed in its competition with cursive writing.⁵⁷ It is unlikely that it was

⁵⁵ Thomsen V. *Op. cit.*, pp. 218—219.

⁵⁶ Stein A. *Serindia*. Vol. 1, pp. 471—476. Публикацию документа см.: Thomsen V. *Op. cit.*, pp. 182—190, pl. 1, 2. К сожалению, во время подготовки документа В. Томсен еще не располагал столь важным лексическим сводом, как словарь Махмуда Кашгарского, что помешало ему раскрыть содержание документа.

⁵⁵ Thomsen, V. *Op. cit.*, pp. 218—219.

⁵⁶ Stein, A. *Serindia*. Vol. 1, pp. 471—476. For the published document see: Thomsen, V. *Op. cit.*, pp. 182—190, pl. 1, 2. Regrettably, during the preparation of the document V. Thomsen did not have at his disposal Mahmud Kashgari's dictionary, a comprehensive vocabulary corpus, which prevented him from conveying the content of the document adequately.

⁵⁷ Ralph, W.V., Elliot, M.A. *Runes*. Cambridge, 1959, p. 62.

этой разновидностью тюркской письменности. Жанровое разнообразие находок свидетельствует о широком использовании руники в разных сферах жизни — религиозной, деловой, военной, а также, что совершенно уникально для древнетюркской письменности, для записей фольклорно-литературного характера. Уйгурское письмо для таких целей стало использоваться значительно позднее, не ранее второй половины XI в. Именно в Восточном Туркестане древнетюркское руническое письмо утратило свой узко эпиграфический характер, вошло в число графических систем, используемых для создания рукописных книг на тюркском языке. Но кульминация тюркской руники обусловила и ее упадок, и исчезновение — руническая графика, неприспособленная для скорописи, неспособная к эволюции, не могла выдержать и не выдержала конкуренции с курсивной графикой⁵⁷. Вряд ли руника использовалась в культурных центрах Восточного Туркестана после X—XI вв. Даже в сочинениях двух великих тюркских литераторов, живших в Кашгарии в XI в., Махмуда Кашгарского и Юсуфа Баласагунского, нет никаких воспоминаний об этом письме. Лишь персидский историк XIII в. Ала-ад-дин Ата-Малик Джувейни, рассказывая о руинах древнеуйгурской столицы Ордубалык на р. Орхон в Северной Монголии (ныне эти развалины называются Карабалгасун), упоминает о плитах с письменами, которые никто не мог прочесть, т. е. о знаменитой трехязычной карабалгасунской надписи⁵⁸. Эту надпись будто бы смогли, в конце концов, истолковать *камы*, т. е. шаманы, но излагаемый дальше рассказ о содержании надписи не имеет ничего общего с обычными эпиграфическими текстами.

Время существования и функционирования тюркского рунического письма в Центральной Азии вряд ли намного превышает три с половиной столетия. Однако в течение этих трех веков была заложена основа письменной культуры древнетюркских народов и в этом процессе роль древнетюркской руники трудно переоценить.

used in the cultural centres of Eastern Turkestan after the 10th—11th centuries. Even in the writings of two great Turkic men of letters, Mahmud Kashgari and Yusuf Balasaguni, who lived in Kashgaria in the 11th century, there are no mentions of the script. Only the 13th-century Persian historian Ala-ad-din Ata-Malik Juvaini when writing about the ruins of the ancient Uighur capital Ordubalyk on the River Orkhon in Northern Mongolia (at present these ruins are known as Karabalgasun), did mention plates with inscriptions nobody could read — i.e. the famous tri-lingual Karabalgasun inscription.⁵⁸ Allegedly, some *kams* (shamans) eventually succeeded in interpreting the inscription, but the story told by Juvaini has nothing in common with ordinary epigraphic texts.

The period when Turkic runic script existed and functioned in Central Asia is not much longer than three centuries and a half. During those three centuries, however, the foundation was laid of the written culture of the Old Turkic peoples; therefore it is hard to overestimate the role of the Old Turkic runic script.

⁵⁷ Ralph W.V., Elliot M.A. *Runes*. Cambridge, 1959, p. 62.

⁵⁸ Ala-ad-din Ata-Malik Juvaini. *The History of the World-Conqueror*. Translated from the Persian by J.A. Boyle. Vol. 1. London, 1958, pp. 53—61.

⁵⁸ Ala-ad-din Ata-Malik Juvaini. *The History of the World-Conqueror*. Translated from the Persian by J.A. Boyle. Vol. 1. London, 1958, pp. 53—61.